

Главная сюжетная канва во всех текстах в основном схожа: некий человек (в тексте *А* — сын умершего министра, в *Б* — дворянин, впрочем тоже сын «гишпанского министра», в сказках — купеческий сын) имел сестру-красавицу, в которую влюбился король (в сказках — царь), увидев ее портрет. Решение короля жениться на ней и одаривание им ее брата, только что появившегося при дворе, разными милостями вызвали недовольство и зависть близких к королю чиновных лиц, которые с помощью королевского фельдмаршала (в сказках — генерала) решили расстроить предполагаемую женитьбу.

Примечательно, что в *Б* фельдмаршал, затеяв интригу, подкупает камер-пажа за 1000 «червонных», а в *А* его самого подкупают «во мзду труда» (л. 56) за 10 000 «червонных». Король, усомнившись в наговорах фельдмаршала, обвинявшего его невесту в недостойном поведении, для приведения доказательства дает ему определенный срок: в *А* — «время до утра» (л. 57), в *Б* — 4 месяца, в сказках — отпуск на неопределенное время. Далее интрига развивается не идентично, но более сходно в *А* и *Б*. Фельдмаршал разными путями (в *А*, *Б*, сказках) узнает через «мамку» примету невесты. Эта примета совпадает в *А* и *Б*. Под правой грудью у Маргариты «пятно черное величеством в маковое зерно» (л. 57 об.); у Софии «черное пятно под правую титюку, которое бородавке подобно».³ В сказке № 336 такой приметой является «золотой волосок под левую мышкою».⁴

Сходно в текстах *А* и *Б* развиваются и последующие события. Осужденному на казнь дворянину король разрешает повидать сестру. Маргарита, увидев приехавшего брата, «выбежала к нему и хотя его поцеловать», Леопольд же «сильно ударил ее по щеке», говоря: «Ведай, сестра, что я тебя ради умираю» (л. 58 об.). Так же вели себя при встрече София и Карл, который «ударил сестру свою по щеке и сказал: „Ты мне не сестра, но б...“».⁵ Однако в сказках нет и тени недоверия брата по отношению к сестре, она его выручает немедленно.

Сюжетная и в отдельных случаях текстологическая близость двух повестей свидетельствует о знакомстве автора младшего по времени создания текста с текстом старшим. Два существенных момента в повести *Б* доказывают ее безусловно более позднее происхождение по сравнению с текстом *А*. Это прежде всего осложняющий фабулу добавочный сюжет о борьбе короля Максимилиана с идолопоклонничеством, более современный язык, а также более образный стиль. В повести *А* сохранилось больше старинных языковых форм: «пришет» (л. 55), «паче» (л. 56), «не хоцещи» (л. 59 об.), «моги» (л. 56 об.), «отрицался» (л. 59 об.), «женился» (л. 60) и т. д. В нескольких случаях союз «к» заменен буквой «х», а в окончаниях возвратного глагола вместо «ся» пишется «тца», что позволяет предполагать о белорусском происхождении данного списка.

Наш список 40-х годов XVIII в., происхождение же повести несомненно можно отнести к более раннему времени, включив ее в круг петровских повестей. Убеждение в этом складывается не только из выше приведенного сопоставления двух текстов, последний из которых создан, по предположению П. Н. Беркова и В. И. Малышева, в середине XVIII в., но и из самого сюжета. Повесть реалистична, в ней отсутствует даже сказочный момент с перчаткой, объединяющий повесть *Б* и сказки Афанасьева. Зато особенно подчеркивается взаимозависимость общественного

³ Там же, стр. 421.

⁴ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III. М., 1958, стр. 74.

⁵ П. Н. Берков и В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века, стр. 422.